

ЗАРУБЕЖНАЯ И ОТЕЧЕСТВЕННАЯ СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА: ВСЕОБЩЕЕ — ОСОБЕННОЕ — ЕДИНИЧНОЕ

©Лебедев А.Н.

доктор психологических наук, главный научный сотрудник
Института психологии РАН, Москва, Россия,
lebedev-lubimov@yandex.ru; ORCID: 0000-0003-1030-9709

Работа выполнена в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования РФ (тема № 0138–2025–0015).

В статье проводится анализ некоторых методологических положений зарубежной социальной психологии и отечественной советского периода. Рассматриваются исторические и идеологические основы отечественной науки прошлого столетия и ее влияние на современную. Подчеркивается, что западная социальная психология в целом развивалась в полном соответствии с естественно-научным подходом, основы методологии которого были сформулированы в XVII веке Галилеем. Советская социальная психология в большей степени была ориентирована на системно-деятельностный подход, основы которого советские психологи находили в работах классиков марксизма. Основная проблема, по мнению автора, и, соответственно, основное отличие советской социальной психологии и психологии личности от зарубежной состояло в том, что конечной целью исследований в СССР была задача разработать психологическую теорию, которая бы способствовала выполнению триединой задачи построения коммунизма в СССР. И это была теория социалистического коллектива. Автор полагает, что несмотря на идеологические установки некоторые положения теории социалистического коллектива могут не только объяснять процесс развития и самоорганизации социальных групп в новых условиях, но и применяться при решении прикладных задач социальной, экономической и политической психологии.

Ключевые слова: социалистический коллектив, совместная деятельность, групповая поляризация мнений, экспериментальная наука, методология науки.

Введение

В настоящее время ученые психологи стараются не замечать различий между отечественной и зарубежной социальной психологией, хотя в СССР эта тема всегда была одной из наиболее обсуждаемых (Ярошевский, 1996). Также сегодня редко встречается сравнительный анализ социальной психологии советского периода и современной (Богданчиков, 2023). Во многом это происходит потому, что в российском обществе с целью укрепления национального самосознания постоянно переосмысливается роль СССР, в результате чего закономерно востребованным становится позитивный опыт, а критический анализ уходит на задний план. И если для внутривнутриполитической жизни страны это необходимо, то для науки не всегда приемлемо.

История СССР учеными сегодня оценивается неоднозначно. И в целом, и по частным вопросам поляризация мнений здесь значительна (Лебедев,

2023; Лебедев, Гордякова, 2023; Лебедев-Любимов, 2021). Поскольку отечественная наука советского периода развивалась в рамках марксистско-ленинской идеологии, это оказало на нее существенное влияние. Очевидно, что наибольшему влиянию подверглись гуманитарные науки, в частности, психология, и прежде всего такие ее отрасли, как социальная психология и психология личности.

Как известно из истории в 1961 году на XXII съезде КПСС в СССР была принята Триединая задача построения коммунизма, которая включала:

1. Создание материально-технической базы коммунизма (полная электрификация страны, комплексная механизация производственных процессов, развитие новых эффективных отраслей производства, рациональное использование материальных и трудовых ресурсов, обеспечение высокого культурно-технического уровня трудящихся).
2. Формирование коммунистических обще-

ственных отношений (экономический принцип коммунизма «от каждого по способности — каждому по потребности»).

3. Воспитание «нового человека» (формирование у всех советских людей марксистско-ленинского мировоззрения, трудовое воспитание и коммунистическое отношение к труду).

Как известно, понятия всеобщего, особенно-го и единичного были введены немецким философом идеалистом Георгом Вильгельмом Фридрихом Гегелем, философские работы которого К. Маркс и Ф. Энгельс сделали одной из составных частей своего учения о развитии общества. И действительно, советская социальная психология была чем-то особенным в рамках мировой науки. При этом одним из основных понятий диалектики Г. Гегеля было понятие противоречия, которое, по мнению основателя СССР В. И. Ленина, позволяло объяснить, как именно развивается общество и каким это общество станет после того, как во всем мире или хотя бы в отдельной стране победит социалистическая революция (Ленин, 2023).

Сегодня мало кто вспоминает, что в советский период все научные публикации, в частности, списки цитируемой литературы по существовавшим тогда правилам оформлялись единообразно: сначала авторы должны были ссылаться на работы К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина, затем на соответствующие тематике работы постановления партии и правительства СССР и лишь потом публиковался список ученых, которые имели высокий статус в науке или непосредственное отношение к содержанию работы. Такое оформление списков литературы зачастую выступало обязательным требованием при подаче статей в научные журналы по любой специальности и психология здесь не являлась исключением.

Основной особенностью советских гуманитарных наук, без всякого сомнения, являлся научный атеизм, который рассматривал психику и сознание как результаты биологической эволюции, возникновения языка и речи, коллективного труда и др. Это позволило четко определить предмет психологии и вывести за рамки научного дискурса как минимум разговоры о влиянии «души» на тело. Однако помимо непримиримой борьбы материализма с идеализмом у отечественной психологии были и другие отличия от так называемой «западной» или «буржуазной», которые являлись не менее значимыми, хотя и не такими заметными. И прежде всего это различия в целях, задачах, основных подходах, принципах и методах проведения исследования. В целом в СССР социальные

психологи концентрировались на коллективизме и общественных процессах. На Западе — больше на взаимоотношении индивидов и межгрупповых отношениях.

От методологии науки к социальной практике

Основы современной науки как формы общественного сознания сформировались в первой половине XVII века благодаря ряду выдающихся для того времени мыслителей и ученых и прежде всего — Г. Галилею. В данном случае обычно вспоминают критику Галилеем трудов Аристотеля, которая необходима для понимания отличий экспериментальной науки от схоластики. Это важно не только для физики и других естественных наук, но и для социальной психологии. На основе критического переосмысления аристотелевской методологии Г. Галилей перешел от натурфилософских умозрений к экспериментальному методу и разработал свой собственный подход, на основе которого в настоящее время развивается любая экспериментальная наука, включая психологию.

У многих людей далеких от науки до сих пор существует ошибочное мнение, что более тяжелый предмет падает на землю быстрее, чем легкий. То же самое написано у Аристотеля и именно это до XVII преподавали во всех европейских университетах. Однако, усомнившись в этом внешне очевидном явлении, Галилей обнаружил, что все предметы падают на землю с одинаковым ускорением — просто сопротивление воздуха заставляет одни предметы падать быстрее других. Галилей в «Беседах и математических доказательствах, касающихся двух новых наук» рассуждал таким образом: «Если тяжелое тело падает быстрее легкого, то что произойдет, если связать два тела разной массы?». Тогда связанные тела образуют еще более тяжелую систему и должны падать быстрее каждого по отдельности.

Этот мысленный эксперимент, по сути — гипотезу — Галилей доказывал многочисленными реальными экспериментами. Он экспериментировал с наклонными плоскостями, замедляя падение для точных измерений, и сделал вывод, что в вакууме все тела должны падать с одинаковым ускорением, так как в этом случае воздух не будет оказывать сопротивление их падению. В результате эмпирических исследований был вычислен коэффициент свободного падения ($g \approx 9,81 \text{ м/с}^2$), что в дальнейшем легло в основу классической механики Ньютона. Этот заочный спор — иллюстрация смены научной парадигмы:

от наблюдений Аристотеля — к эксперименту и математическому описанию Галилея.

Таким образом, Галилей доказал, что только эксперимент и измерения на основе математики дают нам возможность получать точное объективное знание о мире. Он также продемонстрировал важную роль правильно сформулированной гипотезы в научном познании и возможность оперировать так называемыми «идеальными объектами» для объяснения явлений на основе абстрактных понятий. Эти «идеальные объекты» возникают в виде моделей, математических формул и общих законов, отражающих общее в многочисленных частных явлениях, но они не существуют в реальности в виде каких-либо воспринимаемых людьми материальных объектов¹.

Почему же эксперименты Галилея важны для далекой от физики психологии в целом и для социальной психологии социальной в частности? Дело в том, что вся мировая социальная психология XX века, особенно при изучении малых социальных групп, развивалась в полном соответствии с принципами галилеевской экспериментальной науки, начиная от экспериментальных исследований социальной фасилитации (ингибиции) и Хотторнского эксперимента, до оценки факторов эффективности социальных групп при решении экспериментальных задач и принятии решений. Но то, что работало на индивидуальном уровне, не всегда выполнялось в группах, особенно в многочисленных и вариативных по составу.

Можно привести многочисленные примеры социально-психологических исследований, которые выполняли такие выдающиеся ученые, как В. Меде, Ф. Олпорт, Г. Олпорт, К. Левин, С. Аш, Л. Фестингер, С. Милграм, Б. Скиннер, А. Бандура, М. Шериф, С. Московиси, Ф. Зимбардо и

¹ Также хорошим примером здесь являются законы механики Ньютона, который доказал, что объекты сохраняют свою скорость и не меняют направление движения пока не вмешается одна или несколько сил. Он показал, что одна и та же сила заставляет падать на землю (притягиваться к ней) и яблоко, и любые другие предметы, а Луну она же заставляет оставаться на околоземной орбите и не падать на Землю. Формально первый закон Ньютона гласит: каждое тело продолжает пребывать в состоянии покоя или равномерного прямолинейного движения, пока силы, действующие на него, не заставят его изменить это состояние. Однако действие этого закона можно наблюдать лишь в определенных условиях, которые во времена Ньютона воспроизвести было невозможно. И лишь идеализация (моделирование) такого явления, что позволяло считать данный феномен реально существующим.

многие другие. И большинство из них проводились именно в лабораторных условиях на экспериментальных задачах (Майерс, 2025). Можно, например рассмотреть аналогичный подход к исследованиям, выполнявшимся в рамках экономической психологии или поведенческой экономики, в частности, Д. Канеманом и А. Тверски (Канеман, Словик, Тверски, 2005; Канеман, 2023). Все эти эксперименты в точности соответствуют галилеевской методологии.

Однако при изучении групповой деятельности на практике часто возникала проблема, суть которой состояла в том, что накопленные экспериментальные результаты не позволяли однозначно сказать, какая группа справится лучше с решением конкретных практических задач, например в производственных условиях. Результаты зачастую оказывались противоречивыми: одну деятельность лучше выполняли гомогенные (однородные) по составу группы, другую гетерогенные (разнородные). Распределение ролей между членами группы, стили лидерства, межличностные отношения, каналы обмена информацией и многие другие изучаемые экспериментально переменные также не могли гарантировать эффективных прогнозов в отношении групп, формируемых для практической деятельности на основе полученных в лабораторных экспериментах результатов и соответствующих им моделей. Много, например, зависело от некоей «психологической атмосферы», которая складывалась в процессе совместной работы и которую формально (математически) описать в полной мере чаще всего не удавалось. В реальных условиях научно подобранные группы могли действовать непредсказуемо. В работах ряда российских авторов один из таких феноменов получил название «надситуативной активности» (Немов, 1984).

Для решения проблемы анализа факторов групповой эффективности Д. Креч, Р. Кратчфилд и Э. Беллчи свели воедино многочисленные исследования и показали, что могут быть выделены три типа (уровня) переменных. В частности, к первому типу они отнесли такие факторы, как количество членов группы, каналы обмена информацией в группе, композицию группы (гомогенная или гетерогенная), иерархию внутригрупповых статусов членов группы, тип групповой задачи, степень трудности задачи, структуру взаимодействия членов группы при решении задачи и др. Ко второму типу: стиль лидерства, мотивацию, распределение ролей, межличностные отношения. К третьему типу: продуктивность группы, удовлет-

воренность группы. Здесь тип задачи рассматривался как значимый фактор, но не основной, а как равноправный с остальными (Krech, Crutchfield, 1962). Хотя уже тогда было понятно, что сложная групповая работа, особенно в условиях реального производства, часто определяет характер взаимодействия работников, ее специфика может существенно повлиять на результаты коллективного труда и взаимоотношения людей в группе.

От эксперимента к реальной деятельности

Одним из тех, кто обратил внимание на роль типа задачи для изучения эффективности группы (по сути, совместной деятельности) был Д. Хакман (Hackman, 1968). Он утверждал, что тип задачи определяет 50% вариаций эффективности группы. Д. Хакман показал также, что уровень сложности задачи влияет на успешность ее выполнения группой, но в меньшей степени, чем ее тип. Социальный психолог И. Стайнер разработал подробную классификацию задач, разделив их по формальным признакам (делимые-неделимые, аддитивные-дискретные и др.) (Steiner, 1972). Однако все эти задачи в целом носили экспериментальный характер и подбирались так, чтобы с ними можно было проводить лабораторные экспериментальные исследования, обрабатывать результаты математически и строить соответствующие модели.

В свою очередь, российская социальная психология развивалась иначе. Традиционно в СССР психологов вообще и социальных психологов, в частности, интересовало не «чистое» знание в виде теоретических моделей, разрабатываемых на основе лабораторных экспериментов, а возможность применять знания на практике и прежде всего для решения задач повышения труда и нового коммунистического общества. Именно это определялось установками коммунистической партии и правительства СССР.

Еще в начале 20-х годов прошлого века В.М. Бехтерева и М.В. Ланге проводили эксперименты, направленные на изучение эффективности разных видов групповой деятельности (Бехтерев, 2024, 2025). Они сравнивали характеристики психических процессов в условиях групповой деятельности и труда изолированных друг от друга индивидов. Было проведено три серии экспериментов, в которых участники должны были решать целый ряд проблем до и после групповой дискуссии.

На первом этапе участникам исследования показывали картины с изображениями животных и предметов. На втором — демонстрировали набор

сюжетно связанных картинок, на которых была изображена сцена кражи подростком яблок из сада и выяснением отношений со сторожем — требовалось сказать, какого наказания заслуживает подросток за воровство. На третьем этапе участники должны были представить проекты памятников Н.А. Некрасову, Ф.М. Достоевскому и Л.Н. Толстому. Сравнивалось качество проектов, предложенных группой и индивидуально.

Результаты исследований выявили ряд закономерностей. В частности, было установлено, что в группе улучшается наблюдательность участников и в количественном, и в качественном плане; групповое решение определялось компромиссом индивидуальных предложений, устранялись крайности; группа чаще, чем отдельные участники и в большем объеме находила ошибки в работе; групповая память была богаче, чем то, что запоминали отдельные члены группы (создавалась некая общая база данных); решения группы оказывались более справедливыми в моральном плане и др. Получалось, что совместная деятельность создавала некий синергетический эффект, а группа, по сути, проявляла признаки самоорганизующейся системы.

То есть общая задача (цель) выступала системообразующим фактором совместной деятельности. И в этом случае система, элементами которой были отдельные люди (члены группы), подстраивалась под требования выполняемой задачи. Таким образом, многочисленные социально-психологические исследования показывали, что психика и поведение людей в силу природы психического очень пластичны и что люди могут адаптироваться к условиям и самоорганизовываться в рамках совместной практической деятельности. А это зачастую нарушает те закономерности, которые выявлялись при решении экспериментальных лабораторных задач и были отражены в теоретических моделях.

В условиях выдвинутых КПСС задач нужен был другой подход. И он сложился в рамках идеи совместной деятельности, которую советские психологи взяли прежде всего у К. Маркса и других марксистов. Такой подход именовался по-разному, но наиболее точно он представлен как системно-деятельностный. Именно он оказался чрезвычайно эффективным не только в практическом плане, но и для понимания природы «коллективной психики».

Позже, уже в 70–80-е годы развитие этого подхода привело к появлению новых представлений об ограниченности применения экспериментальных методов в решении практических задач, что

было достаточно убедительно показано в рамках отечественной методологии, которую провозгласил и возглавил советский методолог Г.П. Щедровицкий (Щедровицкий, 1964, 1966). По его мнению, многочисленные лабораторные эксперименты создают особую, не существующую в природе реальность, некую область «идеальных объектов» (моделей), которые на практике чаще всего абсолютно не пригодны не только для понимания сути изучаемых явлений, но и для выполнения и развития большинства видов практической и прежде всего управленческой деятельности, особенно инновационной. В этом случае предлагалась альтернатива — разработка и внедрение деятельностью-организационных игр, в процессе которых могут быть сформированы самые сложные формы социального взаимодействия. И они оказываются намного эффективнее на практике, чем полученные на основе классического галилеевского экспериментального подхода, в процессе которого выявляются связи между явлениями, раскрываются механизмы и создаются модели в виде «идеальных объектов».

Таким образом, поскольку вся советская наука и социальная психология, в частности, работала в рамках единого подхода, сформированного на основе марксистской идеологии, она пусть и не решила задачи формирования «нового человека», но, несомненно, внесла свой значительный вклад в мировую науку.

Совместная деятельность и социалистический коллектив

Выполнение триединой задачи построения коммунизма в СССР требовало коррекции традиционного научного мышления. Ученые не могли бесконтрольно выбирать на свой вкус темы для проведения исследований. Их работа должна была учитывать общественные тенденции. Для решения глобальной триединой задачи нужна была особая теория, которая бы объединяла в себе не только научные исследовательские методы и позволяла управлять социальными процессами, но и соответствовала бы идеологическим требованиям советской власти.

Такая теория создавалась силами многих известных советских психологов и в литературе получила название теории социалистического коллектива (Петровский, 1982; Бакшутев, 1967; Донцов, 1984; Донцов, Донцов, 2019). Основы теории социалистического коллектива (учебного и производственного) были предложены А.С. Макаренко сразу после Октябрьской революции 1917 года

(Макаренко, 2024). Основная идея состояла в том, что коллектив должен формироваться поэтапно с помощью так называемого актива, то есть наиболее активного и авторитетного меньшинства группы, ее лидеров. При этом понятие коллектива определялось так: максимально сплоченная группа людей, интересы, цели и задачи которой совпадают с интересами, целями и задачами социалистического общества, возглавляемого коммунистической партией, управляющей строительством коммунистического общества. Фактически это означало, что настоящие коллективы возможны только при социализме, а в капиталистическом обществе их не может существовать по определению.

На уровне теории А.С. Макаренко выделил два закона развития коллектива: 1) Закон движения коллектива — органичное сочетание ближних, средних и дальних индивидуальных и коллективных целей (идея «завтрашней радости»); 2) Закон параллельного педагогического действия, когда коллектив оказывает влияние на личность, а через развитие отдельной личности происходит и развитие самого коллектива.

А.С. Макаренко утверждал, что в коллективе должна формироваться взаимная ответственность и взаимная подчиненность. По сути, идея коллектива создавала имплицитную установку на то, что коллектив всегда прав. И поскольку коллектив управлялся активом, то одиночке противостоять мнению коллектива было крайне сложно. Более того, наличие авторитетного меньшинства группы — актива — вовсе не устраняло условий для поляризации мнений и борьбы внутри актива за мнения большинства, хотя и считалось отрицательным явлением.

Таким образом, развитие теории социалистического коллектива, по сути, являлось задачей не изучения некоего социально-психологического объекта научными методами, а задачей его формирования и эффективного управления. В научных кругах это не могло не вызывать некоторого напряжения. Одни ученые приняли эту задачу с энтузиазмом, другие относились к ней скептически и даже негативно. В науке руководством СССР фактически была создана установка на отказ от объективных социально-психологических исследований и переход к стратегии формирования мировоззрения через воспитание.

Социальная психология как традиционная наука автоматически уходила в тень, а на переднем плане оказывалась социальная педагогика, направленная на достижение целей, определяемых советской властью и коммунистической партией на

основе марксистско-ленинской идеологии. Именно поэтому сегодня невозможно сказать, сколько именно социальных групп на производстве в СССР могли быть отнесены к понятию «настоящего» социалистического коллектива, учитывая так называемые «социалистические соревнования», заботу о моральном облике трудящихся или межличностные отношения взаимопомощи и нетерпимого отношения к нарушителям производственной дисциплины.

Задача формирования меняла всю систему планирования, организации, оценки результатов исследований и привело к возникновению новых понятий. Например, это понятие ценностно-ориентационного единства (ЦОЕ), надситуативной активности, коллективного самоопределения и др. (Немов, 1984; Петровский, 1982; Бакшутев, 1967; Донцов, 1984). Модель ЦОЕ определялась и как сближение ценностей, связанных с содержанием совместной деятельности, и как результат эмоциональной идентификации личности с группой, и как формирование коммунистического мировоззрения. При этом в социалистическом коллективе отрицалось наличие конформизма, что было одним из наиболее часто изучаемых явлений в зарубежной социальной психологии. Также в работах некоторых советских авторов утверждалось, что коллективы — это естественное, закономерное и неизбежное развитие малых групп в процессе становления социализма или то, что коллективом, например, следует считать только такую группу трудящихся, где есть своя партийная ячейка (Лебедев, 2024).

Марксисты считали, что при коммунизме всякий труд на благо общества станет не только обязанностью, но и осознанной жизненной потребностью. В.И. Ленин писал, что «...коммунистический труд в более узком и строгом смысле слова есть бесплатный труд на пользу общества... труд добровольный, труд вне нормы, труд, даваемый... без условия о вознаграждении, труд по привычке трудиться на общую пользу и по сознательному (перешедшему в привычку) отношению к необходимости труда на общую пользу, труд, как потребность здорового организма» (Философский словарь, 1963).

В целом, учитывая поставленную партией задачу, теория социалистического коллектива содержала некое противоречие, которых, нужно подчеркнуть, в классическом марксизме и в теории научного коммунизма было достаточно много. Например, изучающим этот предмет в высших учебных заведениях было сложно понять: если

коммунизм — это закономерный этап развития общества, и он неизбежен, то почему его нужно специально строить, совершая по всему миру коммунистические революции? И если коллективы возникают как закономерный результат развития группы единомышленников, то зачем нужен актив и многочисленные организационные мероприятия по формированию коллективистического мировоззрения граждан? В этом случае очень востребована была диалектика Гегеля, которая на основе разработанных им идеалистических моделей все «объясняла» и «расставляла на свои места».

Тем не менее многочисленные исследования показывали, что практически все возникающие в процессе совместной деятельности проблемы, социалистические коллективы благополучно решали. И происходило это по принципу самоорганизации, когда активное меньшинство во главе с руководителем, используя ресурсы социального влияния, устанавливало ту форму взаимодействия, от демократической до авторитарной, которая наиболее точно соответствовала возможностям конкретной группы и позволяла достичь поставленной цели. То есть общая цель являлась системообразующим фактором совместной деятельности и заставляла группу самоорганизовываться для того, чтобы деятельность выполнялась эффективно.

После падения СССР стало понятно, что теория советского социалистического коллектива оказалась огромным идеологическим мифом, который, тем не менее, наряду с прочими рычагами управления позволял советской власти эффективно решать задачи экономического развития и сохранения стабильности в обществе. Идея воспитания «нового человека» в трудовых коллективах также играла важную роль. Она давала многим гражданам знаменитую «уверенность в завтрашнем дне», то есть веру в то, что рано или поздно общество станет таким, о котором писали философы-утописты.

Сегодня есть авторы, которые утверждают, что понятие коллектива и научные исследования прошлого объективно востребованы и в настоящее время с той лишь разницей, что в рамках нового подхода должна быть сформулирована задача формирования чувств национальной гордости и патриотизма граждан, а не идея построения коммунистического общества, утратившая свое значение в силу изменения государственного строя в 90-е годы прошлого столетия. И это действительно не лишено смысла.

Заключение

В заключение следует подчеркнуть, что различия в истории и принципах развития отечественной и зарубежной социальной психологии вовсе не исключают их эффективного взаимодействия и возможности обмена результатами исследований. Общая тенденция — это применение новых технологий, в частности, работа с большими данными и их нейросетевой анализ. Очевидно также и то, что экспериментальный метод также по-прежнему востребован, ведь при решении одних и тех же задач или выполнении одной и той же по содержанию деятельности, хорошо изученные в лабораторных экспериментах факторы взаимодействия людей и описывающие их модели вполне пригодны для сравнительного анализа групп и прогнозирования эффективности межличностного взаимодействия.

Выводы:

1. Методология и проблематика зарубежной и отечественной социальной психологии в XX веке имели существенные отличия. Отечественная социальная психология развивалась в рамках

марксистско-ленинской идеологии и была ориентирована на задачу формирования человека коммунистического типа в социалистических коллективах. Западная в большей степени ориентировалась на изучение феноменов настоящего без ориентации на какую-либо «сверхзадачу» далекого будущего.

2. Системно-деятельностный подход советской социальной психологии позволил раскрыть новые социально-психологические феномены и выдвинуть идею самоорганизации и саморазвития социальных групп, прежде всего — производственных коллективов, что существенно дополняло широко распространенный в зарубежной науке в XX веке синергетический подход.

3. Теория социалистического коллектива возникла вследствие идеологических установок, соответствующих общественному строю СССР, но имела и научные основания в российской психологии прошлого. Данная теория и полученные при ее воплощении в практику результаты могут быть применены для решения задач современной социальной, экономической и политической психологии.

Литература:

1. Бакшуттов В.К. Теория социалистического коллектива. Учеб. пособие по ист. материализму / МВ и ССО РСФСР. Уральский гос. ун-т им. А.М. Горького. Свердловск, 1967.
2. Бехтерев В.М. Внушение и его роль в общественной жизни. М.: Академический проект, 2024.
3. Бехтерев В.М. Коллективная рефлексология. М.: Издательство Юрайт, 2025.
4. Богданчиков С.А. Советская психология в широком историко-научном контексте (обзор ключевых отечественных публикаций постсоветского периода) // Учёные записки Института психологии РАН. 2023. Т.3. № 2(8). С. 62–72.
5. Донцов А.И. Психология коллектива. Методологические проблемы исследования. М.: Издательство Московского университета, 1984.
6. Донцов А.И., Донцов Д.А. Родословная советского коллектива. Москва: АСТ, 2019.
7. Канеман Д. Думай медленно... решай быстро. М.: АСТ, 2023.
8. Канеман Д., Словик П., Тверски А. Принятие решений в неопределенности: Правила и предубеждения / Пер. с англ. Х.: Изд-во Институт прикладной психологии “Гуманитарный Центр”, 2005.
9. Лебедев А.Н. Аффект неопределенности и ценностно-аффективная поляризация больших социальных групп // Ученые записки Института психологии Российской академии наук. 2023. Т. 3. №1. С.3-17. DOI:10.38098/proceedings_2023_03_01_02
10. Лебедев А.Н. Советский социалистический коллектив, национальный характер и аффективно-ценностная поляризация российского общества // Советская психология: этап истории науки и менталитет / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Д.В. Ушаков, А.В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2024. С. 588-626.
11. Лебедев А.Н., Гордякова О.В. Ценностно-аффективная поляризация больших социальных групп в условиях информационной неопределенности // Социальная психология и общество. 2023. Том 14. № 4. С. 38–54. DOI: 10.17759/sps.2023140403
12. Лебедев-Любимов А.Н. Психология для экономистов. М.: Юрайт, 2021.
13. Ленин В.И. Философские тетради. М.: Ленанд, 2023.

14. Майерс Д. Социальная психология. 7-е изд. СПб.: Питер, 2025.
15. Макаренко А.С. Педагогическая поэма. СПб.: Питер, 2024.
16. Немов Р.С. Социально-психологический анализ эффективной деятельности коллектива. М.: Педагогика, 1984.
17. Петровский А.В. Личность. Деятельность. Коллектив. М.: Политиздат, 1982.
18. Философский словарь. Под ред. М.М. Розенталя и П.Ф. Юдина. М.: Издательство политической литературы, 1963.
19. Щедровицкий Г.П. Об исходных принципах анализа проблемы обучения и развития в рамках теории деятельности // Обучение и развитие. Материалы к симпозиуму. М., 1966.
20. Щедровицкий Г.П. Проблемы методологии системного исследования. М., 1964.
21. Ярошевский М.Г. История психологии от античности до середины XX века. М.: Академия, 1996.
22. Hackman J.R. Effects of task characteristics on group products // Journal of Experimental Social Psychology, 1968. V. 4(2).
23. Krech D., Crutchfield R.S., Ballechey E.L. Individual in Society. N.Y., 1962.
24. Steiner I.D. Group Process and Productivity. N.Y., 1972.

FOREIGN AND DOMESTIC SOCIAL PSYCHOLOGY OF THE SOVIET PERIOD: UNIVERSAL — SPECIAL — SINGULAR

© Aleksandr N. Lebedev

Doctor of Psychological Sciences, Chief Researcher
Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia,
lebedev-lubimov@yandex.ru; ORCID: 0000-0003-1030-9709

The work was performed within the framework of the state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (topic No. 0138-2025-0015).

The article analyzes some methodological principles of foreign social psychology and domestic social psychology of the Soviet period. The historical and ideological foundations of Russian science of the last century and its influence on modern science are considered. It is emphasized that Western social psychology as a whole developed in full accordance with the classical scientific approach, the foundations of the methodology of which were formulated in the 17th century by Galileo. Soviet social psychology was more focused on the system-activity approach, the foundations of which it found in the works of the classics of Marxism. The main problem, according to the author, and, accordingly, the main difference between Soviet social psychology and personality psychology from foreign ones was that the ultimate goal of research in the USSR was to develop a psychological theory that would contribute to the fulfillment of the three-pronged task of building communism in the USSR. And this was the theory of the socialist collective. The author believes that despite the ideological attitudes, some provisions of the theory of the socialist collective can not only explain the process of development and self-organization of social groups in new conditions, but also be applied in solving applied problems of social, economic and political psychology.

Keywords: socialist collective, joint activity, group polarization of opinions, experimental science, methodology of science.

References

1. Bakshutov V.K. (1967). Theory of the socialist collective. Textbook on the history of materialism / MV and MTR of the RSFSR. Ural State University named after A.M. Gorky. Sverdlovsk.
2. Bekhterev V.M. (2024). Suggestion and its role in public life. Moscow: Academic Project.
3. Bekhterev V.M. (2025). Collective reflexology. Moscow: Yuray Publishing House.

4. Bogdanchikov S.A. (2023). Soviet psychology in a broad historical and scientific context (review of key domestic publications of the post-Soviet period) // Proceedings of the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. Vol.3. № 2(8). pp. 62-72.
5. Dontsov A.I. (1984). Psychology of the collective. Methodological problems of research. Moscow: Moscow University Press.
6. Dontsov A.I., Dontsov D.A. (2019). The pedigree of the Soviet collective. Moscow: AST.
7. Kahneman D. (2023). Think slowly... Decide quickly. Moscow: AST.
8. Kahneman D., Slovik P., Tversky A. (2005). Decision-making in uncertainty: Rules and biases / Translated from English by X.: Publishing House of the Institute of Applied Psychology "Humanitarian Center".
9. Lebedev A.N. (2023). Affect of uncertainty and value-affective polarization of large social groups // Proceedings of the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. Vol. 3. № 1. Pp.3-17. DOI:10.38098/procedigs_2023_03_01_02
10. Lebedev A.N. (2024). The Soviet socialist collective, national character and affective-value polarization of Russian society // Soviet psychology: a stage in the history of science and mentality / Ed. by A.L. Zhuravlev, D.V. Ushakov, A.V. Yurevich. Moscow: Publishing House «Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences». Pp. 588-626.
11. Lebedev A.N., Gordyakova O.V. (2023). Value-affective polarization of large social groups in conditions of information uncertainty // Social psychology and society. V. 14. № 4. pp. 38-54. DOI: 10.17759/sps.2023140403
12. Lebedev-Lyubimov A.N. (2021). Psychology for Economists. Moscow: Yurait.
13. Lenin V.I. (2023). Philosophical notebooks. Moscow: Lenand.
14. Myers D. (2025). Social psychology. 7th ed. St. Petersburg: Peter.
15. Makarenko A.S. (2024). Pedagogical poem. St. Petersburg: Peter.
16. Nemov R.S. (1984). Socio-psychological analysis of effective collective activity. Moscow: Pedagogika.
17. Petrovsky A.V. (1982). Personality. Activity. The collective. Moscow: Politizdat.
18. Philosophical dictionary. Edited by M.M. Rosenthal and P.F. Yudin. Moscow: Publishing House of Political Literature, 1963.
19. Shchedrovitsky G.P. (1966). On the basic principles of the analysis of the problem of learning and development in the framework of the theory of activity // Training and development. Materials for the symposium. Moscow.
20. Shchedrovitsky G.P. (1964). Problems of methodology of system research. Moscow.
21. Yaroshevsky M.G. (1996). History of psychology from antiquity to the middle of the twentieth century. Moscow: Akademiya.
22. Hackman J.R. (1968). Effects of task characteristics on group products // Journal of Experimental Social Psychology. V. 4(2).
23. Krech D., Crutchfield R.S., Ballechey E.L. (1962). Individual in Society. N.Y.
24. Steiner I.D. (1972). Group Process and Productivity. N.Y.